

К Р О К О Д И Л

№ 32 НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

к 556
16

Рис. М. Черемных

У НИХ

— Ваша задача, господа выборные агенты, сделать так, чтобы избиратель не пронюхал некоторых подробностей биографии нашего уважаемого кандидата.

У НАС

— Ваша задача, товарищи, рассказать избирателям биографию нашего кандидата во всех ее подробностях.

Рис. Ю. Ганфа

— Господин штурмовик, вы меня неправильно поняли: я с детства питаю отвращение к мясу!

ДОЛГ ЧЕСТИ

Жильцы нашего дома в эту выборную кампанию отличились вообще высоким гражданским сознанием.

Но особенно с лучшей стороны зарекомендовал себя председатель нашего дома.

Он неутомимо работал, проверял списки избирателей, будоражил инертных и вялых жильцов и заботился о всех мелочах, связанных с выборами.

У нас в доме оказалось трое лежачих больных.

Ну, одного, с вывихнутой ногой, отправили в больницу, так что он там и будет голосовать.

Другая гражданка, хворающая у нас стрептококковой ангиной, вскоре, наверно, поправится и начнет все-таки выходить...

И, наконец, третий лежачий больной — старуха, страдающая ревматизмом.

Вообще эта старуха отличалась хорошим здоровьем, но в смысле ног у нее было не все благополучно. Она еле ковыляла с палочкой по комнате и второй год не рисковала выйти на улицу.

Наш председатель лично ее навещал, спросил о состоянии ее здоровья и погоревал вместе с ней, что она не может ходить и не сможет тем самым исполнить свой гражданский долг — опустить свой избирательный бюллетень в урну.

Он ей сказал:

— Если б вы, мамаша, лежали в больнице, то вам бы поднесли к постели особый избирательный ящик. Но тут мы бес-

ильны что-либо предпринять. И я с грустью вижу, что вы в данном случае есть выбывший член нашей дружной семьи.

Старуха ему так ответила:

— Чувствительно бы рада, молодой человек, исполнить этот гражданский акт. Сама через это страдаю и горю желанием. Вдобавок мне самой чрезвычайно скучно лежать. Все лежу, и лежу, и кусочка неба не вижу. И мечтаю о такой, знаете ли, специальной колясочке, на которой иной раз вывозят старух.

Председатель говорит:

— Такую колясочку можно будет достать. А еще лучше: мы подвезем вас на автомобиле. Я возьму такси или договорюсь тут с одним нашим шофером, и мы вас чудным образом доставим в помещение для голосования.

Старуха говорит:

— Чувствительно бы рада в первый раз в жизни проехаться на автомобиле, но вот я по лестнице затрудняюсь ходить. Вот лестница-то и является главной причиной моего невыхода на улицу.

Председатель говорит:

— Это, мамаша, сущие пустяки. Я возьму двух здоровых парней, и они вас как перышко сымут с четвертого этажа.

Старуха говорит:

— Только, чтоб не было того, что меня вниз доставят, а вверх не подымут. Все-таки меня это будет тревожить, и от

РИМСКИЕ ОГОРЧЕНИЯ

Рис. Бор. Ефимова

Заговоры против безопасности Франции вдохновлены теми же, кто вдохновил мятеж в Испании. Недавно найденные пулеметы происходят из Германии, а винтовки — из Италии.

(Из французских газет)

— Вы не знаете, синьор генерал, наши винтовки были проданы де ля Року за наличные или в кредит?

— Конечно, в кредит, но под солидное обеспечение — все народное достояние Франции.

этого у меня будет настроение испорчено. Мало ли, забудете или вам не до того будет.

Председатель говорит:

— Тогда я об этом тоже позабочусь. В крайнем случае, я вас одной рукой могу хоть в двадцатый этаж доставить.

Старуха говорит:

— Тогда, знаете что: по радио передавали, что надо бы лично зайти в избирательный участок проверить свою фамилию: нет ли искажений, — а то нельзя будет голосовать. Давайте сегодня или завтра с'ездим туда.

Председатель говорит:

— Ого, мамаша, да вы подкованы по части выборов. И своим торопливым замечанием проявляете свое гражданское сознание. Ладно, завтра устроим вам машину.

Вот на другой день председатель под'ехал на машине к под'езду. И вскоре два наших жильца — два молодых парня — помогли старухе спуститься вниз.

Полчаса они катали старуху по городу. И наша старуха была так довольна, что и передать вам нельзя.

Потом они заехали в избирательный участок, проверили все, что полагается. И вскоре снова старуха была доставлена домой.

На прощанье старуха сказала:

— Может быть, завтра или там послезавтра нужно будет зачем-нибудь еще раз с'ездить, то я к вашим услугам.

Один из жильцов, работающий в механической прачечной, сказал председателю:

— Эта последняя ее фраза меня сильно смутила. Боюсь, что старуха интересуется только прогулкой. И, может быть, к выборам она инертна.

На это председатель сухо сказал:

— Даже если она на пятьдесят процентов интересуется прогулкой, то и то я не вижу в ее словах ничего плохого. Почему старушке не покатасться на машине?

Работающий в механической прачечной сказал:

— А если на сто процентов в ее голове прогулка?

Председатель строго сказал:

— Нет, этого не может быть. Все живые существа, пока душа теплится в их теле, интересуются хоть немножко общественной жизнью. А наша старуха в своем прошлом — трудящийся член семьи, и не надо подвергать ее сомнениям. Наднях мы еще раз покатаем ее на машине, а 12 декабря повезем на выборы. И это будет наш долг чести.

Тут все жильцы, слушающие эту беседу, сказали: правильно.

И работающий в механической прачечной сказал: присоединяюсь к этому мнению.

А одна женщина, имеющая чувствительную душу, добавила:

— А что если нам каждый месяц прогуливать старуху?

Председатель сказал:

— Ну, там видно будет.

И все жильцы разошлись, довольные друг другом.

МИХ. ЗОЩЕНКО

О Т С Е Б Я

Вернувшись из театра поздно вечером, Верочка Гремينا, балетная артистка, застала домашних в смятении. Муж Верочки, инженер Гремин, стоял в прихожей у телефонного аппарата и нервно говорил в трубку:

— Это дежурный по городу? Скажите, товарищ дежурный, вы не знаете, не попадала ли сегодня под трамвай старушка в синем пальто, с воротником из цегейки? Что? Нет сведений? А под автобус? Тоже нет сведений? Обождите, товарищ, я еще не кончил спрашивать. Скажите, а под троллейбус тоже такая старушка не попадала?

— Петя! — вскрикнула Верочка и села на мужнину шляпу, забытую на стуле. — Что случилось?

— Бабушка пропала, — кисло сообщил инженер, вешая трубку. — Уехала с утра, и до сих пор нет.

— Может быть, она в театр куда-нибудь забралась, как тогда на «Анну Каренину»? — сказала Верочка и, сжав виски ладонями, прибавила с отчаянием: — Боже мой! В ее годы нельзя быть такой беспокойной!

Годы у Марии Никитичны, бабки Веры Гремиминой, действительно, большие: восемьдесят два — это не шутка! Она играла некогда в Александринке с Давыдовым и Варламовым, знала Савину. Сейчас Мария Никитична на покое, но угомона на нее нет. Взять хотя бы летний случай с «Анной Карениной». Тогда тоже звонили к дежурному и к Склифасовскому, об'езжали всех родных и знакомых — искали таинственно исчезнувшую Марию Никитичну, — а она явилась ночью и преспокойно заявила:

— На «Анну Каренину» попала. Хмелев — просто душка. И Тарасова хороша. Знаешь, Веруша, я бы вполне могла сыграть графиню Лидию Ивановну.

— Как вы билет-то достали, бабушка?! — всплеснула руками Верочка Гремима.

— А я так сделала: подошла к администратору под окошечко, назвала себя, ну, конечно, глазки состроила и сказала: «Я, батюшка Федор Иванович, до зимы, пожалуй, не доживу. Мне ждать некогда. Вы мне сейчас контрамарку дайте». Он посмотрел на меня, мило улыбнулся и дал пропуск в амфитеатр, первый ряд...

— Что же говорит дежурный по городу? — тревожно спросила мужа Верочка Гремима.

— Говорит, что не попадали сегодня старушки ни под трамвай, ни под автобус, ни под троллейбус. Ты же слышала...

— Придется в общем ехать к Тимофеевым. Ты же знаешь, какой у Марии Никитичны характер. Если она едет в гости, то обязательно туда, где нет телефона.

Инженер надел шляпу и пальто, как вдруг в передней затрещал звонок. Верочка отворила дверь и, увидев Марию Никитичну живую и невредимую, так обрадовалась, что даже забыла рассердиться.

— Бабушка! — сказала она, целуя старуху. — Ну разве можно так?! Где вы пропадали?

— Ты не спрашивай, не выпытывай, — фальшивя, пропела Мария Никитична и, стаскивая с помощью инженера синее пальто со знаменитой цегейкой, прибавила: — Ну как, Веруша, дрыгала сегодня ножками у себя в балете?

— Дрыгала, бабушка, дрыгала. Все-таки скажите, где были?

— Не скажу. Это мой секрет.

На следующий вечер Мария Никитична снова исчезла и опять явилась поздно, страшно усталая, но возбужденная, с горящими глазами. Инженер высказал предположение, что старуха получила эстрадную халтурку и где-то выступает.

— Что ты! — сказала Верочка Гремима. — Она же все перезабыла. Тут что-то другое.

Все выяснилось само собой и совершенно неожиданно. Однажды, вернувшись раньше обычного, Мария Никитична застала внучку и домашнюю работницу Авдотью в прихожей уже одетыми.

— Хорошо, что приехали, бабушка, — сказала Верочка Гремима. — У нас в доме сегодня собрание женщин насчет выборов в совет. Пойдете с нами или останетесь дома?

Мария Никитична поблдедела:

— Как собрание? Когда?

— Сейчас. Уже собираются внизу, в красном уголке.

— Веруша, дорогая, — залепетала Мария Никитична растерянно. — Собрание надо отменить...

— Что вы такое говорите, бабушка! Почему надо отменить собрание?

— Я лично еще не готова. Господи, как все это нехорошо получилось!

Мария Никитична, обессиленная, села на стул и, глядя на внучку умоляющими черными, еще очень красивыми глазами, рассказала все начистоту:

— Я, Веруша, давно уже решила выступить на собрании. Мне хочется молодежи о многом сказать. И я написала чудную речь. Три ночи сидела, из газет вот такие выписки делала. Но ведь ты же знаешь, какая у меня память. А по бумажке читать неудобно. Вот я, Веруша, и разыскала нашего бывшего суфлера, Аркадия Петровича. Был у нас в театре такой молодой человек. Сейчас он живет в Москве и, конечно, уже не очень молодой. Ему лет семьдесят с хвостиком. Я к нему каждый день ездила, учила роль, а он мне по бумажке текст подавал. Я хотела все наизусть выучить, Веруша. И вдруг неожиданно собрание... А я определенно текстом еще не владею. Веруша, детка, попроси президиум хотя бы задержать собрание часика на полтора. Я мигом слетаю за Аркадием Петровичем и обязательно выступлю.

— Не станут, бабушка, из-за вашего Аркадия Петровича собрание откладывать.

— Ах ты, боже мой, что же делать? А я все-таки попробую за ним с'ездить. Может быть, успею.

Старуха схватила зонтик, поправила перед зеркалом свою бархатную вытертую шляпку и убежала.

Затянувшееся собрание уже подходило к концу, когда в зале появилась запыхавшаяся Мария Никитична под руку с высоким, худым, как Дон-Кихот, стариком. Они сели рядом с Верочкой и Авдотьей, и Мария Никитична, страшно побледнев, сейчас же громко сказала:

— Прошу слова.

— Ну как можно в ее годы быть оратором! — простонала Верочка Гремима на ухо Авдотье, когда Мария Никитична, маленькая, щуплая, как пичужка, с испуганными блестящими глазами, появилась у стола президиума.

Минуты три она молча то открывала, то закрывала рот: никак не могла начать свою речь. Видно было, что мысли у нее спутались и она все забыла.

Сложив ладони рупором, Аркадий Петрович классическим четким шопотом подсказывал ей:

— Друзья мои! Дайте и мне...

— Друзья мои! — грудным голосом сказала Мария Никитична. — Дайте и мне, старой актрисе, сказать свое слово.

— Просим! — крикнула Авдотья, покосившись на пылающую, пунцовую щеку Верочки Гремиминой.

Мария Никитична заговорила и залпом сказала все, о чем думала в последнее время. Говорила она долго и хорошо, вспоминала старую, горькую актерскую жизнь, читала стихи Джамбула, хвалила МХАТ за «Анну Каренину». Слушали ее внимательно и с громадным интересом. Лишь старый суфлер ерзал по стулу и растерянно шептал Верочке Гремиминой!

— От себя все шпарит Мария Никитична. Хоть бы насмех одно слово по тексту!

Закончила свою речь Мария Никитична так:

— Да здравствует товарищ Сталин! И еще — приглашаю вас голосовать за Ивана Михайловича Москвина.

Аплодировали ей бурно и весело. Откланявшись, торжествующая Мария Никитична села на свое место рядом с суфлером и Верочкой, но аплодисменты не стихали. Тогда старуха сама начала аплодировать вместе со всеми. Хлопая в ладоши, она тихо сказала суфлеру:

— Тридцать лет такого успеха не имела! И подумай только, батюшка Аркадий Петрович, весь текст другой сказала. От себя. Даром тебя только тащила в такую даль!

— Мария Никитична, — ужаснувшись, прошептал суфлер. — Что вы делаете? Перестаньте хлопать. Ведь вы же аплодируете самой себе!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Фотомонтаж Б. Клинка

— На нашем избирательном участке, говорят, агитпункт открылся! Понимаешь, дружище, агитпункт! Ведь в этом слове целая эпоха, музыка, романтика гражданской войны! — с чувством сказал мне Черноморцев. — Ты помнишь, дружище, эти агитпункты на вокзалах?..

...Помнишь? Стены сверху донизу в картинках, в стихах, в карикатурах. На продолговатом почерневшем столе обязательно несколько брошюр, отпечатанных или на толстой оберточной или же на тончайшей и волокнистой, как марля, бумаге... А огромное полтораметровое жерло граммофона, который и в полдень и в полночь неустанно ревел: «Тор-ре-адор-р, сме-ле-е... Тор-р-ре-адор-р, сме-ле-е-е...» А особая радость для приезжающих, — конечно же, это был кипятильник, из которого по предъявлении скомканного удостоверения, даже не разворачивая и не заглядывая в него, отпускали стакан кирпичного чая и мокрую конфету...

... Здесь, на агитпункте, горели лампы-молнии, здесь было всегда людно, шумно и от кипятильника тепло. А на вокзале и вокруг холод, темень. Бывало, ждешь и ждешь, но и третьи и пятые сутки поезда ниоткуда не приходят и никуда не уходят...

Э, да что уж, дело прошлое, пойдёмка лучше на агитпункт!..

Мы вышли из дому.

По широкой асфальтовой улице мягко бежали автобусы и таксомоторы. Светофоры мигали огоньками. Зеленый огонек радушно звал пересечь эту улицу в асфальтовом мундире, застегнутом на все металлические пуговицы.

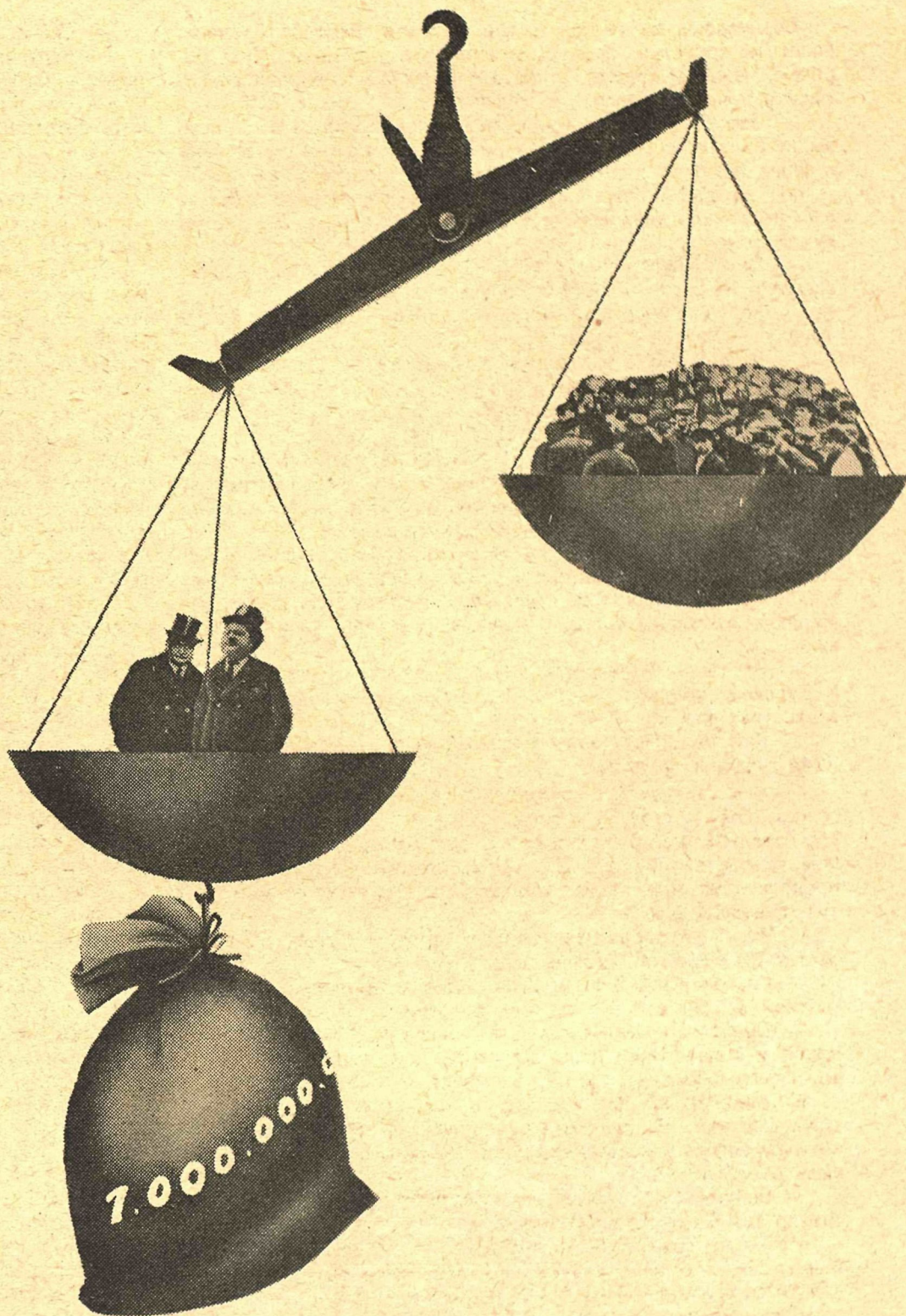
Затем, когда красный свет преграждал путь пешеходу, приходила в движение вся магистраль, и мимо авто пронеслись неровной грядой фасады домов. На одной стороне улицы торопливым ансамблем проходили: Дом ученых со стеклянным фонарем на крыше; общежитие командиров РККА, поднятое на три этажа; Дворец пионеров в старом оранжевом особняке с белыми колоннами; новое звуковое кино; клуб металлистов; жилые дома; универмаг...

На другой стороне — районная библиотека, столовая и красный уголок строителей метро, книжные магазины, техникум...

— Дружище! — пробормотал Черноморцев. — Вот никак я не вспомню, где тут свалка была... А за свалкой — ночлежка... У меня еще, припоминаю, в двадцатом году где-то здесь в переулке кошелек отняли... Какой же это все-таки переулок?.. Может, на этом углу, возле кондитерской, меня обтяпали? Нет, хоть убей, не вспомню. Забор здесь был, и яма была, и куча камней лежала, а кондитерской никакой же не было...

Мы свернули на другую улицу, и светлый квартал новых домов двинулся нам навстречу.

Вот из дома молодой походкой вышел старик в шляпе и с палочкой, на которой выжжено «Память Кисловодска».

Секрет „перевеса“.

Вот домохозяйка понесла в вязаной кошелке полсотни желтых, как янтарь, яблок антоновка. Маленькие октябрята, идя парами и озираясь по сторонам, глотали слова своей песенки:

«Мы ве-селые ребя-та, бята, бята, Мы зовем-ся октябр-ря-та, октябрята».

Двое мастеровых, стоя на лестницах, укрепляли над широкими дверьми слова, выгнутые из стеклянных трубок. Большая доска объявлений приглашала в театры, на лекции, на выставки советской цветной гравюры, советской карикатуры, советской фотографии. И в черной, как дымоход, трубе радиорупора перелива-

лись соловьиные трели певички Неждановой.

— Вот что, дружище! — сказал Черноморцев, останавливаясь. — Далеко нам еще?

— На агитпункт избирательного участка? Сейчас придем. А что?

— А то, что мне кажется, мы давно уже пришли...

И, по-хозяйски разведя руками, он добавил:

— Вот тут он рядом, кругом, куда ни помотришь, — наш агитпункт!..

Л. МИТНИЦКИЙ

БЛИЗ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ГРАНИЦЫ

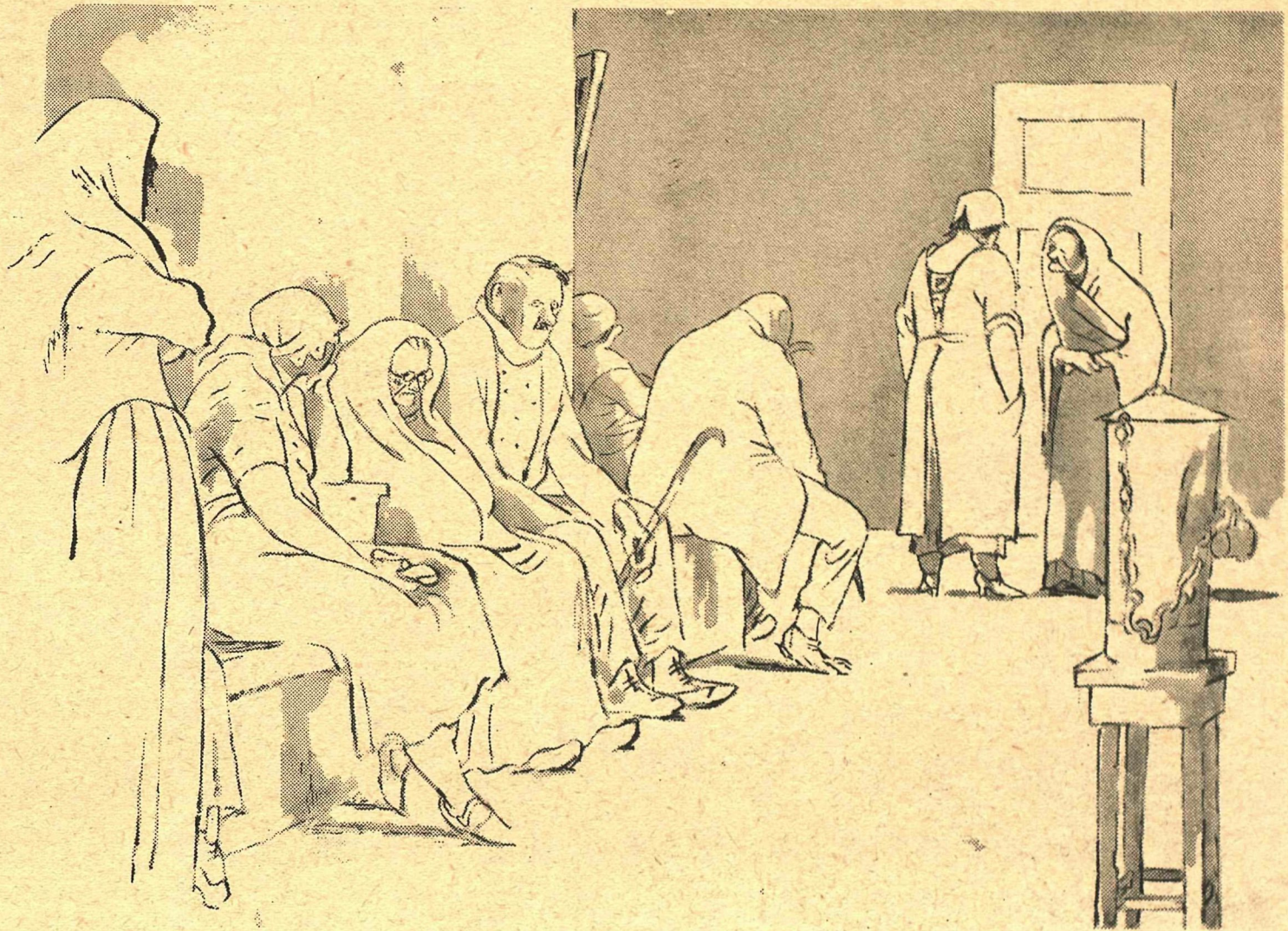
Рис. Л. Бродаты

— Почему это у нашего помещика делается такое грустное лицо каждый раз, когда он с'езжает с этой горы?

Очень просто: с горы видны колхозы, расположенные на его бывших землях...

Рис. Л. Сойфертиса

— Скажите, а когда же придет врач?
— Это врачебная тайна.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЗАЩИТНИК

Впервые я увидел его в столовой. Подав суп, он начал защищать температуру и качество супа:

— Удивляюсь, чего вы еще желаете? Суп не горячий? Самый что ни на есть горячий. Хоть термометр в его суй, так лопнет... Удивляюсь я на ваши претензии. И вовсе это не судомойкина мочалка, а коренья... Вы, может, желали бы, чтоб вам в суп китайский корень женьшен клали, который пять тысяч за полкило стоит... Удивляюсь!.. И товар у нас отличный, и судомойка никогда не судилась... Жалобную? Пожалуйста...

Потом я встретил его регистратором в амбулатории. Высунув в окошечко свою узкую голову с хорьковыми глазами, он говорил:

— Удивляюсь я, чего еще вы желаете?.. Придете через два дня. Никакой здесь скорой помощи не требуется. Разве это жар? Настоящий жар не такой бывает... Удивляюсь я на ваши претензии. Амбулатория у нас первоклассная, и никакой халатностью и бюрократизмом мы не больны, гражданка... Удивляюсь я на ваши претензии... Даром мечетесь да еще чего-то скандалите...

Потом случай привел меня встретиться с ним в ремонтной сапожной мастерской. Поглядывая на возвращенный сапог, он говорил с жаром:

— Отличная была подметка!.. Что вы рассказываете? И кожа замечательная!.. Через три дня пришли?.. Ну, я не знаю, чего вы эти три дня делали? Может, вы без отрыва гопака танцевали... Удивляюсь я на ваши претензии. Мастера у нас первоклассные. А только, конечно, если по камням безотрывно шляться, так тут не то что подметка, а человек не выдержит... Прямо удивляюсь, я на ваши претензии. Прежде, поди, в лаптях ходили, а теперь фордыбачите... Жалобную?.. Пожалуйста!..

ЧЕСТНОСТЬ

Эта старушка сидела у дверей одного из зал картинной галереи.

— Работа у меня, конечно, нетрудная, — говорила она своим знакомым, — сиди да поглядывай. Ногами я заслабла. Если б ноги здоровые, я б руководом быть могла. Я уже наизусть знаю, чего они талдычить будут...

— Ну только, знаете, — добавляла с важной серьезностью она, — сиди да поглядывай, да поглядывай. А то если в случае чего сопрут какого там Репина.

Утром в старушкин зал пришли двое, встали перед картиной Репина и зашептались. Старушка даже вся похолодела. В шепоте зрителей ясно было слышно:

— Украдем... Конечно, украдем... И это можно стащить... Ну, кто заметит?.. Украдем — и все...

— Стойте! — закричала старуха, звонком вызывая охрану. — Стойте, воры вы!

— Какие мы, мамаша, воры?! Мы...

— Пятый десяток я мамаша. Воры вы!

У коменданта зрители объясняли:

— Никакие мы не воры... Что за безобразие! Учимся мы, художники... Ну, действительно, думали мы заимствовать от старых картин для себя свет, колорит, взять руки, поворот головы.

Комендант отпустил старуху. Она шла на пост в зал и бормотала:

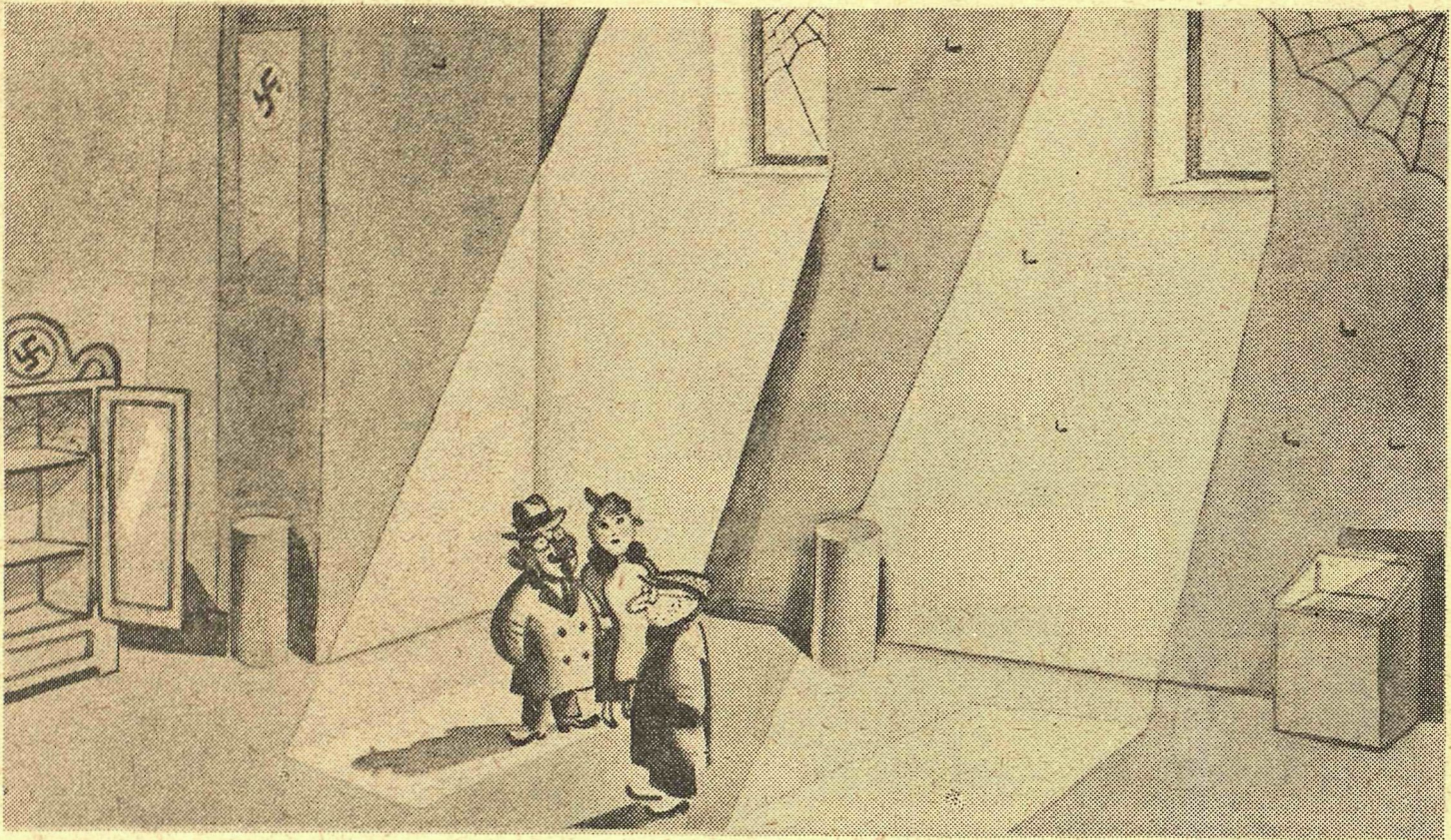
— Не глухая я... Зря собаку не вызвали, она бы, милая, все разнюхала...

В. ТОБОЛЯКОВ

В ВЫСШЕМ ФАШИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Руководитель одного из отделов германского павильона на Парижской всемирной выставке, племянник германского посла граф фон Штраувиц, бежал, захватив с собой кассу. Незадолго до этого в руках другого сотрудника того же павильона «растворились» драгоценности стоимостью в несколько миллионов марок.
(Из газет)

Рис. Ю. Ганфа

— Здесь, господа, вы сможете осмотреть только самое помещение павильона, а экспонаты...

... вместе с заведующим павильоном вы найдете на ближайшей парижской толкучке!..

И Н Т Е Р В Ю с КОММЕНТАРИЯМИ

В БЕСЕДЕ С ИНОСТРАННЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЯПОНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЗАЯВИЛ: «МЫ НЕ ВЕДЕМ ВОЙНЫ, МЫ ХОТИМ ЛИШЬ ПОБУДИТЬ КИТАЙ ВКОРНЕ ИЗМЕНИТЬ ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ЯПОНИИ. ПРИ ЭТОМ МЫ ДЕЙСТВУЕМ С ВЕЛИЧАЙШЕЙ ДЕЛИКАТНОСТЬЮ. РЕЗОЛЮЦИЯ ЛИГИ НАЦИЙ О МНИМЫХ ЯПОНСКИХ ЖЕСТОКОСТЯХ ВЫЗЫВАЕТ В НАШЕМ НАРОДЕ ВЕЛИЧАЙШЕЕ ВОЗМУЩЕНИЕ»

(Из газет).

Японские солдаты «с величайшей деликатностью» издеваются над статуей великого китайского революционера, национального героя Сун Ят-сена.

Шанхайские пожарные увозят на тачках жертвы «мнимых японских жестокостей», погибших во время воздушной бомбардировки китайской части города бомбардировщиками «страны восходящего солнца».

Посмотрите на воспроизводимую нами фотографию японского наступления на Чапей посмотрите на все другие приведенные нами фотографии — и вы поймете почтенного представителя японского министерства иностранных дел. Ну, конечно, это не война. Просто японским солдатикам захотелось немножко пострелять.

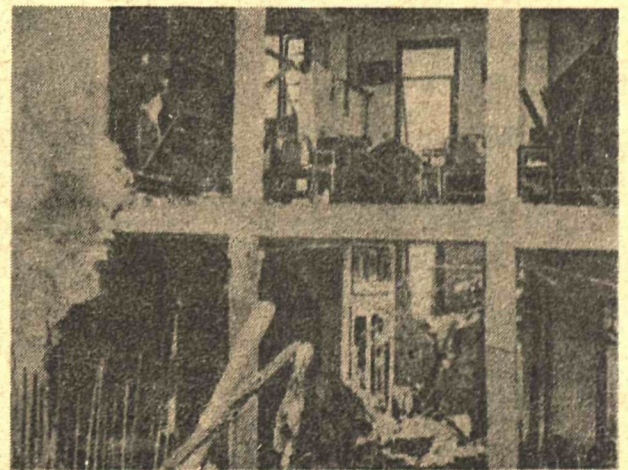

Этот дом в Нанкине, как и многие сотни других, на первый взгляд, кажется пострадавшим от землетрясения. Землетрясение здесь, однако, не при чем: это результат обыкновенной японской трехмоторной бомбардировочной «деликатности».

Ничто так не огорчает интервенгов, как тот при- скорбный факт, что китайцы упорствуют в своем непонимании высоких идеалов японской женщины. Что-то китайцы не испытывают особого желания бросаться в их гостеприимно распростертые объятия. Поэтому их приходится тащить в объятия на веревке.

На снимке: японский шпион, переодетый «для пользы службы» в китайское платье, ведет двух связанных им мирных китайских граждан в гостеприимно распахнутые двери японского военно-полевого суда. Их будут судить за нелояльность к интервентам. Вряд ли этих китайцев перед расстрелом будут утомлять долгой судебной процедурой.

Стремясь «побудить Китай вкорне изменить его отношение к Японии», японские бомбардировщики засыпают бомбами мирные китайские города. На снимке: внутренний вид дома в Кантоне, у которого японской бомбой начисто снесло одну из стен.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ОБУХОВ ТРЕБУЕТ ОФИЦИАЛЬНО

Прокурор Лысковского района (Горьковская область) Обухов прислал 14 августа с. г. председателю правления Лысковского жакта ультиматум следующего содержания:

«Ввиду того что вы на устные мои заявления о проведении срочных неотложных работ в занимаемой мной квартире (ул. Ленина, дом № 25) мер никаких не принимаете, я в последний раз официально требую принять меры к проведению следующего ремонта..»

Означенные выше работы должны быть проведены — ремонт квартиры в декадный срок, надверных коммунальных приспособлений — до 15 сентября. В случае невыполнения этого, вынужден поставить вопрос о Вашей ответственности. Райпрокурор Обухов».

Такому человеку дай должность побольше, и он любой жакт на колени поставит.

ФИГАРО ТАМ

Предположим, человеку захотелось открыть свою частную парикмахерскую без особо больших затрат, но он не знает, как это сделать.

В таком случае требуется:

- а) чтобы была в наличии государственная парикмахерская;
- б) чтобы верховное руководство над ней осуществлялось работниками типа коммерческого директора липецкого горторга Рыбалкина;
- в) чтобы членом комиссии по передаче этой парикмахерской в частные руки был работник типа сотрудника липецкого горторга Ледовского и
- г) чтобы местная прокуратура не обращала внимания на соответствующие сигналы печати.

При соблюдении всех указанных выше условий все идет как по маслу. По крайней мере, в Липецке, где коммерческий директор местного горторга Рыбалкин, с благословения члена комиссии по передаче парикмахерской Ледовского, продал некоему Белкину, неоднократно судившемуся за растраты, парикмахерскую железного рудника. Имущество парикмахерской, оцененное в 1566 рублей 34 копейки, продали ловкому Белкину за 481 рубль 80 копеек. И все довольны: и Белкин, и Рыбалкин, и Ледовский. Плачут только советские денежки.

ЧТО К ЧЕМУ ОТНОСИТСЯ

Послала гражданка П. П. Усова письмо в Москву, в Главсевморпуть, и получила его через несколько дней обратно, с пометкой на конверте и приложением специальной справки установленного образца. На конверте отмечено, что «адресат к Главсевморпути не относится». В приложенной к конверту справке помечено, что адресат не разыскан и опять-таки «к Главсевморпути не относится».

Кто же этот адресат, которого ни почтовое отделение, ни адресный стол, ни Главсевморпуть найти не смогли, и каково его звание и род занятий?

Имя этого адресата — Валерий. Отчество — Павлович. Фамилия — Чкалов. Звание — Герой Советского союза. И к Главсевморпути хотя и небольшое (всего один раз перелетел из Москвы через полюс в Северную Америку), но все-таки отношение имеет.

Пламенное мерси сотрудникам Главсевморпути и почтовикам, поставляющим материал для Крокодила.

ПОСТОРОННИЙ ЭЛЕМЕНТ

Давненько уже не приходилось нам печатать такого...

В Каменском районе (Тумской области) существует пекарня. Худая слава идет об этой пекарне. Очень уж часто в хлебах этой пекарни обнаруживаются посторонние, ну совсем посторонние примеси. Чтобы не портить аппетита нашим читателям, не будем говорить, что это за примеси.

Заведует пекарней Золотова. Нам думается, что и эта граж-

данка — не более как посторонний элемент в пекарне. Правда, райисполком держится другого мнения: сколько раз ни накладывал санитарный врач штрафы на заведующего пекарней, райисполком эти штрафы отменял.

Но мы пойдем еще дальше. Может быть, посторонние элементы существуют и в Каменском рике? Иначе как объяснить, что штрафы снимают, а плохой заведующий еще не снят?

Хорошо бы ликвидировать всю цепочку посторонних элементов: в райисполкоме, в пекарне, в хлебе.

БЕСКОНТРОЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Интересную оценку советским детям дает журнал «Народное творчество» в статье «Смотр детской самодеятельности» (№ 8, стр. 53):

«Тимирязевский детский дом показал «Трех поросят». В этой веселой сказочке дети играли с м и х с е б я, оставив у зрителей самое лучшее впечатление».

То есть, кого это «самих себя» играли дети? Поросят?

Интересно, какую роль играет в журнале «Народное творчество» его ответственный редактор Ф. Панферов, безмятежно подписывающий к печати такую отвратительную галиматью?

УЛИЧЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

Человек, позаимствовавший чужую шубу без ведома владельца, называется вором. Точно так же квалифицируется и человек, укравший деньги, примус, собаку или часы. Ну, а как назвать человека, укравшего книгу? Вором? Мы тоже так думаем. Но представьте себе, на это кое-кто обижается.

Студентка Лениградского индустриального института Бортникова побывала на практике на Горьковском заводе фрезерных станков и вернулась в Ленинград, украв предварительно из заводской научно-технической библиотеки целые тетради и выпуски с описанием фрезерных, зуборезных и других станков.

Директор Института, которому об этом написали директор завода и заведующий библиотекой, не счел нужным ответить. Чепуха какая: студентка обворовала научно-техническую библиотеку. Стоит ли на такую мелкую проблему тратить свое драгоценное время?

Вместо него ответила заведующему библиотекой сама Бортникова. Возвращая пять выпусков из украденных ею тринадцати, она не могла скрыть своего глубокого возмущения:

«Очевидно, вам эти материалы очень нужны, а поэтому я спешу выполнить вашу просьбу, которую, кстати, можно было бы выразить в иной, несколько более культурной форме».

Мы никогда не думали, что тяга к культуре может принимать такие уродливые формы.

ВОТ ЭТО РАЗМАХ!

В свое время Главное управление мукомольно-крупяной промышленности запросило Рубцовский мельничный комбинат (Алтайский край) о ходе технической учебы. Вскорости в Главмуку поступил ответ, в котором сообщалось, что комбинат испытывает большие затруднения из-за отсутствия бумаги для 57 человек, охваченных технической учебой.

— Действительно, положение никуда не годится, — решили в Главмуке и срочно отправили Рубцовскому мелькомбинату следующую утешительную бумажку:

«Директор вашего завода сообщил нам, что вы не имеете бумаги для выполнения учебных заданий. При этом направляем вам десять штук тетрадей, которые, несомненно, пригодятся вам».

Получение просим подтвердить.

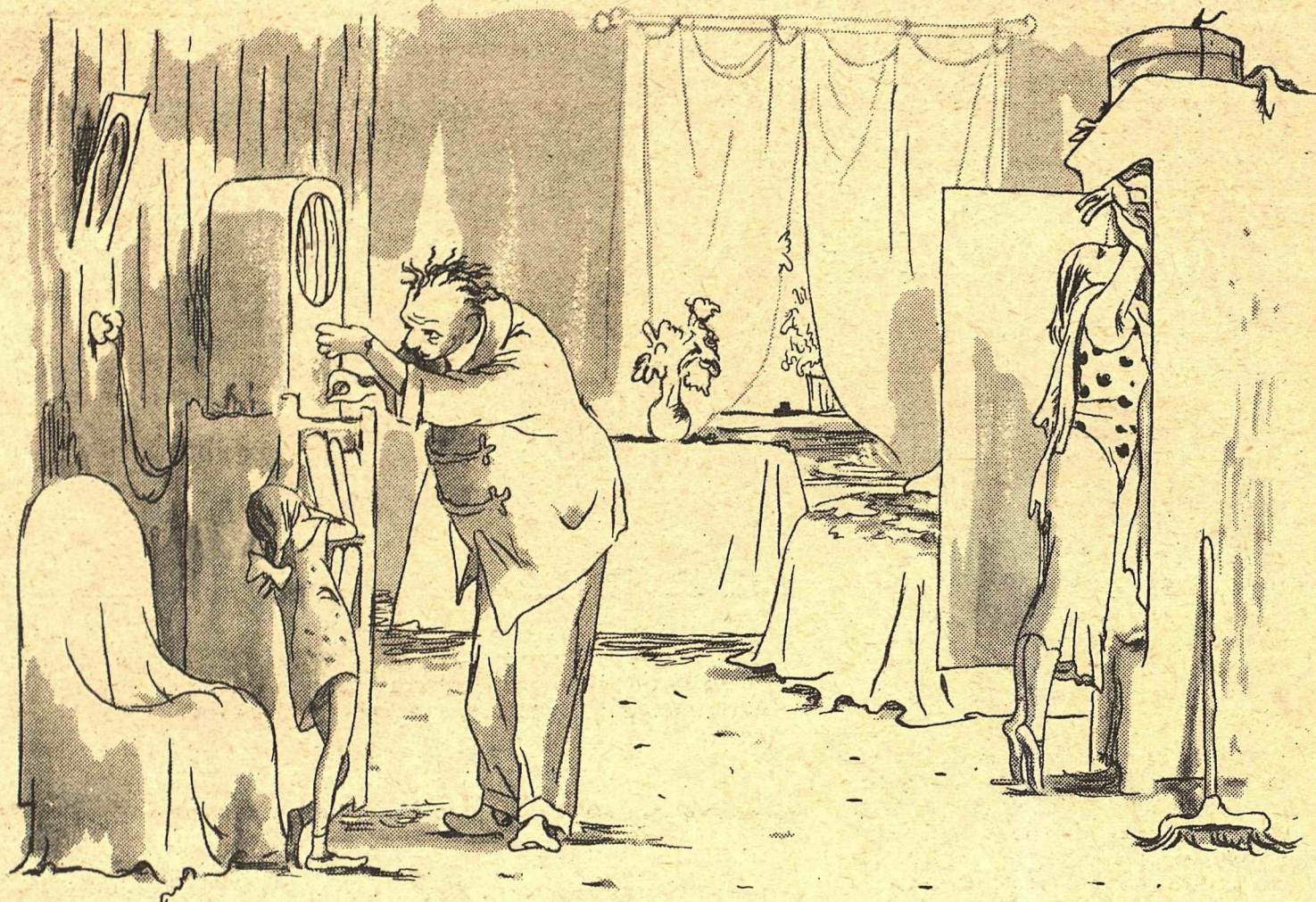
Сектор кадров Главмуки Усманов».

Потрясенные нечеловеческим размахом Главмуки, не пожалевшей десяти тетрадей для пятидесяти семи учащихся, помещаем на страницах Крокодила эту заметку, которая, несомненно, пригодится аппарату сектора кадров Главмуки.

Получение просим подтвердить.

Германский экспорт в Бразилию

— Я уже три года руковожу радиоузлом, но всегда с интересом слушаю дома все наши программы. Каждый раз передают что-нибудь такое, о чем я и понятия не имею.

ОБИДА

Вечер. Через реку Сиязь плывет паром. На нем стоит кинопередвижка, то есть грузовик с киноаппаратом. Механик Сеня, шофер Груздев и паромщик Иона, высокий сутулый старик, медленно тянут паром и не спускают глаз с берега. Там, на берегу, в деревне Васяты, только что заработала первая в округе электрическая станция и сотни ярких огней вспыхнули на площади, на улицах и подле колхозных служб.

Старик Иона родился и состарился в этой деревне. Он двадцать семь лет пас подле реки овец, свиней и телят и вот уже шестой год служит колхозным паромщиком. Сколько сотен, нет, не сотен, а уже тысяч раз провел он через Сиязь свой паром, но сейчас ему, верно, кажется, что плывет он не к Васятам, а к неведомому, волшебным образом возникшему городу.

В самом деле, еще пять минут назад на взгорье чернели избы, избенки, облетевшие сады, соломенные ометы и лишь кое-где мигали керосиновые огни. Это было привычно для глаз, и Иона всегда, как бы ни темна была ночь, угадывал,

в чьей это избе светится огонек и подле чьего двора стоит вон та ракета. И вдруг засверкали сотни ламп, и все: и клуб, и двухэтажная школа, и сильные башни, и даже деревья — приняло величественные очертания, и свет был так чист, могуч и радостен, что Иона отошел от каната, забыл про него и щурясь смотрел и смотрел на огни.

Губы его беззвучно шевелились.

— Вот это праздник! — сказал шофер. — Это да. Только если мы будем так тянуть, то и до утра не доедем. А ну, нажмем.

Он и Сеня взялись за канат, подошел и Иона, но тут вспыхнули фонари не вдалеке от берега, осветили дорогу, кусты, клочок озимого поля.

— Ах ты, господи! — восхищенно прошептал старик.

Паром уже приближался к берегу, а Иона все не мог оторвать глаз от огней.

— Вот, отец, — проговорил Сеня, — вот какие пошли дела, а ты: «Голосо-

вать не пойду: и без меня есть кому голосовать...»

Паром коснулся берега.

— Я тебе таких слов не говорил, — удивленно ответил старик. — «Голосовать не пойду», — я тебе таких слов не говорил. Гресишь, парень.

Он и в самом деле ничего не говорил с механиком о выборах в Верховный Совет. Он только спросил Сеню, кивнув на киноаппарат:

— Чего, парень, будешь пускать?

Сеня ответил:

— Про выборы.

И больше они ни о чем не говорили, потому что как раз в эту минуту на васытинском берегу зажглись электрические огни. Но у Сени есть привычка — начинать политическую беседу с критики всяких ошибочных мыслей, и уже от этой критики он переходит к углубленному разъяснению вопроса. Обычно он завязывает беседу так:

— Вот ты говоришь, что...

Или:

— Вот некоторые из вас, товарищи, думают, что...

Колхозник, хотя он, может быть, никогда не говорил и не думал так, как это ему приписывает Сеня, настораживается, заинтересованно слушает, затем, уже позабыв, что агитатор приписал ему чужие ошибки, углубляется в вопрос и до конца осваивает его.

Но тут вышло иначе: Сеня не успел поговорить с Ионой. Шофер завел мотор, машина понеслась в гору, к огням.

— Грешешь, парень!—еще раз крикнул Иона.— Я тебе таких слов не говорил.

Но Сеня его не услышал.

Иона остался один.

Из деревни доносились звуки оркестра: там праздник, в клубе идет спектакль, а старики собрались в чайной—кушают чай, а кто желает, тот может выпить и винца. Чайная дивно разукрашена. Если б не дежурство на пароме, то Иона сидел бы сейчас в чайной, толковал бы со стариками про то, про се.

А дежурить придется до рассвета. На спектакль приехали колхозники из Сватова, Покровки, Кудимова, и паром будет ходить всю ночь: надо перевезти гостей на тот берег.

Однако этот парень, показывающий картины, сказал про Иону, несправедливо, нехорошо: «Голосовать не пойду, пускай, дескать, без меня голосуют...» У Ионы теперь новая изба, корова, двести пятьдесят пудов одной пшеницы, замужняя дочь Степанида водит комбайны, внуки учатся большой грамоте—такая жизнь и во сне не снилась, бывало. Вчера Иона парился в колхозной, только что построенной бане—чистота, простор, воды сколько хочешь. Кузнец Прохоренков наладил душ: стоишь, а на тебя прыщет теплый дождичек. Сегодня заработала электрическая станция—вон он свет-то какой необыкновенный. И все они: Сталин, Молотов, Ворошилов и подручные им люди! А этот парень: голосовать, дескать, ты не хочешь.

«Ах ты, вреда гакая! Да как ты, свистун, можешь лжу такую на человека вешать?»

Внучка Аннушка принесла деду пирог с печенкой, пирог с яблоком, бутылку парного вечернего молока. На внучке маркизетовое платье, ботинки в калошках: «Некогда, дедушка, некогда. Нынче танцы будут».

Убежала.

Кушая пирог с печенкой, старик опять вспомнил о киномеханике, о его несправедливых словах, и слова эти теперь показались Ионе еще обиднее чем час назад.

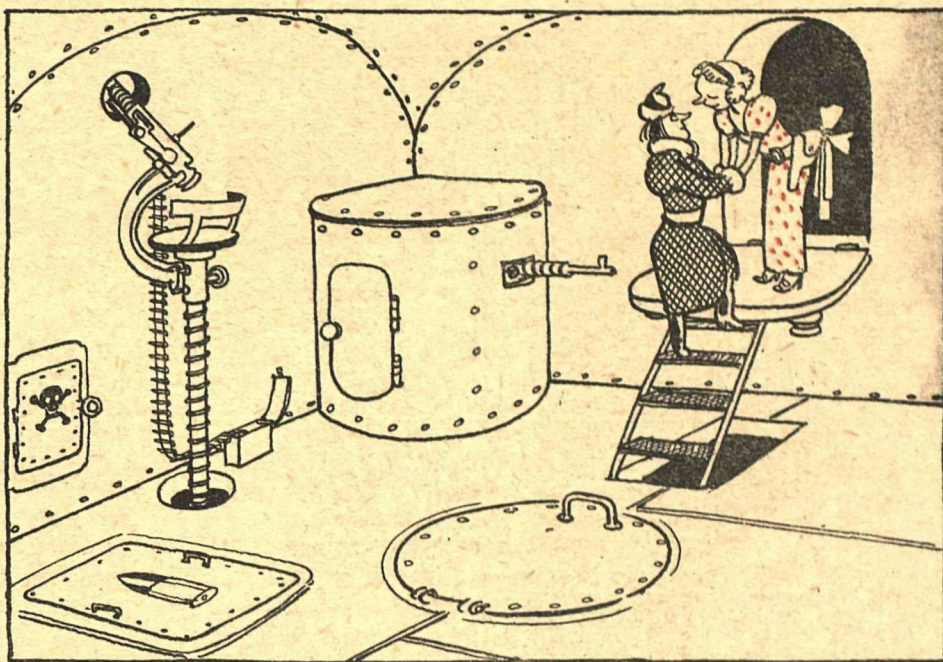
«Ах ты, вреда такая! Да что я своей доле что ли враг лютый, чтобы говорить такие слова: «Голосовать не пойду»».

Он ощутил непреодолимую потребность протестовать.

Но он был один.

В ГОСТЯХ У МАРКИЗЫ

(К раскрытию фашистского заговора во Франции)

— Я вас не провожаю, дорогая, — ведь вы сами знаете дорогу: сначала, бронированная плита на шарнире, затем, спуститесь в бетонированное подземелье, а оттуда поднимитесь по откидной лестнице.

Шел уже второй час ночи, когда к берегу спустились первые пассажиры. Они еще не успели войти на паром, как подехала кинопередвижка.

— А ну, давай, давай! — кричал шофер.

Киномеханик Сеня сидел на машине, усталый, молчаливый. Он задумчиво смотрел на реку и, видно, уже не помнил своего разговора с Ионой.

— Слышь-ка! — сипло крикнул Иона и поправил шапку.— Тебе сколь лет-то?

Сеня не сразу откликнулся:

— А тебе, отец, это зачем?

— А затем, что в твои-то годы я не только сапоги, а и ситца не носил. И на свадьбу-то свою, в церковь-то, в лапоточках да в холстах пошел.

Машина в'ехала на паром, а Иона все еще стоял на берегу.

— Ну и что? — удивился Сеня.

— А то, что в твои-то годы я хлеба без лебеды не ел и двоих братьев меньших похоронил: померли братья-то с голоду.

Голос Ионы звучал так гневно, что шофер, спустив одну ногу на подножку, так и застыл.

А старик все кричал:

— Ты вот кино пускаешь и книжки читаешь, с галстуком вон сидишь, а я в те поры думал, что мудреней самовара и машины нет!

Он стоял на берегу и все говорил о былых печалях, мраке и бедах и, тыча рукой в сторону Сени, обзывал его «вредой», «свистуном», и это уже совсем изумило парня.

Потом старик заговорил о вождах, о коммунистах и, казалось, хотел втолковать Сене, какие это небывалые, чудесные люди и как надо чтить их, уважать, потому что, не будь их, Сеня ходил бы сошкой землю и даже не знал бы, что существуют кино, галстуки и грузовики...

Шофер спустился на паром, подошел к Ионе и озадаченно проговорил:

— Ты это, отец, что?

— А он что?—тонким голосом крикнул Иона.— Он что? Я ему говорил такие слова: «Голосовать не пойду»? За судьбу-то свою, за внуков-то своих голосовать не пойду? Говорил я ему, свистуну, эти черные слова?

Шофер махнул Сене:

— А ну, пойдем.

Они втроем отошли на берег, и пассажиры видели, как Иона срывал с себя шапку, опять надевал и опять срывал. Что говорил ему Сеня, расслышать было нельзя, но, судя по всему, говорил он что-то вразумительное, успокаивающее, и голос Ионы звучал все тише, и он уже не срывал с головы шапку.

АЛЕКСЕЙ КОЛОСОВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Интересуешься ли ты ребусами, шарадами, загадками? Думаю, что да, и поэтому посылаю тебе загадку, которую сочинил начальник оперативного сектора Главлеспорта Герчиков. Эта интересная загадка облечена в форму официального отношения и снабжена датой — 4 октября и номером 4/410. Адрес ее так же таинственен, как и текст: «Комитету зав. зав. уч. учебн. завед.»

А вот текст загадки Герчикова:

«Главлеспорт настоящим сообщает, что в порядке обмена фондом с Главлестяжпромом, последним передан фонд третьего квартала Могилевской школы в колич. 25 м³ колхозн. работников, который мы в виду встречности грузопотоков поставить не можем».

Я лично, как ни ломал голову, не сумел разгадать, что значат «25 кубических метров колхозных работников». Сдаюсь! Утешаю себя тем, что сам Герчиков тоже вряд ли разгадает свою загадку. Надо полагать, что он подписал этот бред № 4/410, не читая.

БЕЛОВ

Москва

Товарищ Крокодил!

Объясни, пожалуйста, сколько раз нужно увольнять прогульщика и пьяницу, для того чтобы он, наконец, перестал наносить материальный вред и разлагать трудовую дисциплину в учреждении? У нас, в тресте Горьктранлес, с 15 марта работает юристконсульт некий гражданин Воскресенский. За этот короткий срок шесть приказов по тресту посвящены его малоприятной особе.

21 апреля приказом № 28 Воскресенский уволен с занимаемой должности за неявку на работу без уважительных причин в течение восьми дней.

3 мая приказом № 34 Воскресенский восстановлен на работе с объявлением строгого выговора с предупреждением.

В приказе от 15 августа отмечено, что Воскресенский «вновь допустил прогул в течение шести дней, причем причиной прогула являлось пьянство». В связи с этим он предупреждался, что в случае допущения им невыхода без уважительных причин на работу, хотя бы в течение одного дня, он будет уволен.

Ровно через месяц за трехдневный прогул Воскресенский приказом № 120 уволен с занимаемой должности.

Ввиду отказа Воскресенского от прихода в трест для сдачи дел приказом от 20 сентября составлена была специальная комиссия для вскрытия стола юристконсульта.

Но прошло только шесть дней, и появился приказ № 130, гласящий буквально следующее:

«Юристконсульт треста Воскресенского П. А., уволенного за самовольный прогул, учитывая полное раскаяние в совершенном поступке и данное обязательство не повторять подобных явлений, в порядке исключения восстановить на работе с 25 сентября 1937 года и предупредить, что при повторении невыхода на работу без уважительных причин в течение одного дня считать уволенным с работы в тресте».

Этот приказ, как и предыдущие, подписал начальник треста Сергеев, которого я и имею честь рекомендовать вниманию читателей Крокодила как редчайший образец борца за трудовую дисциплину.

С. ГОЛУБЬЯН

Город Горький

Дорогой Крокодил!

У нас в девятом классе с незапамятных времен стоял шкаф, в котором хранились чертежные принадлежности. Этот шкаф, так же как и класс, никогда не запылился. Вдруг директор школы А. А. Ерыкин спохватился, проверил содержимое нашего многоуважаемого шкафа и установил, что чертежные принадлежности исчезли. Недолго думая директор созвал всех учеников девятого класса и предложил нам выдать во-ра. В ответ мы с недоуме-

нием пожали плечами. Тогда директор сказал, что разложит убытки от пропажи чертежных принадлежностей на всех учеников девятого класса поровну.

Вскоре наши родители получили от А. А. Ерыкина такие официальные извещения:

«Нижне-Чирская средняя школа ставит вас в известность об уплате школе восьми рублей 50 копеек за понесенные убытки школе со стороны вашего . . . обучающегося в девятом классе. Деньги вышлите не позднее 30 октября.

Директор школы
Ерыкин».

Просим тебя, дорогой Крокодил, от имени учеников девятого класса указать директору школы на его грубые ошибки. Скажи А. А. Ерыкину, что нельзя безосновательно оскорблять весь девятый класс подобными извещениями, равно как нельзя писать — особенно директору школы — «ставить» вместо «ставит» и «понесенные убытки школе» вместо «школой».

Ученики девятого класса Нижне-Чирской средней школы, члены ВЛКСМ ГРАБОВСКИЙ, КОСТЫРКИН, ПОЛЯКОВ, КУРКИН, СТРОЧКОВ, ЕЛФИМОВ и др.

Дорогой Крокодил!

Несколько времени назад я узнал о приговоре, вынесенном народным судьей Куйбышевского района Омска по делу гражданки Дмитриевой. Ввиду того, что, по моему мнению, решение судьбы шло в разрез с интересами государства, я написал об этом письмо омскому областному суду, которому нарсудья Радченко подконтролен.

Вынужден констатировать с прискорбием, что я был лучшего мнения о работниках этого высокого учреждения. Вот ответ, который я получил от председателя гражданской коллегии облсуда Скворцова:

«Возвращается при этом ваша жалоба и разъясняется, что ее следует подать в двух экземплярах через на-

родный суд, рассматривавший дело, и оплатить судебной пошлиной».

В первый раз слышу, чтобы советского гражданина, сигнализирующего о разбазаривании государственных средств, заставляли оплачивать свой сигнал судебной пошлиной. Не кажется ли тебе, дорогой Крокодил, что у Скворцова чрезвычайно странное представление о советской законности и революционной бдительности?

Преподаватель техникума механизации сельского хозяйства

Н. ЖИЛИНСКИЙ

Омск

Дорогой Крокодил!

Директор Харьковского машиностроительного института технической учебы рабочих Афанасьев направил ряду заводов и, в частности, Харьковскому станкостроительному заводу имени Молотова сборник методических материалов для курсов техминимума и стахановских, на первой странице которого он предусмотрительно пишет:

«К организации семинаров следует приступить теперь же, до проведения набора, чтобы своевременно подготовить основные кадры преподавателей и не оттягивать ее на конец четвертого квартала, когда на заводах наблюдается напряженная работа за выполнение годовых контрольных цифр».

Этому указанию цены не было бы, если бы этот сборник, отпечатанный в августе, дирекция Института не прислала бы на заводы только в первых числах ноября. Три месяца потребовалось для того, чтобы сборник дошел от Института к заводу.

Я не сомневаюсь, что во много раз меньше времени потребует затратить Комиссии советского контроля для анализа положения дел в сверхбюрократическом учреждении, носящем громкое название Института техучебы рабочих.

Организатор техучебы рабочих станкостроительного завода имени Молотова М. РАБИНОВИЧ

Харьков

И

НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО КАК БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Губительно отзываясь на жизни граждан Испанской республики, невмешательство неожиданно оказалось неплохим основанием для отдыха на лоне природы за счет «невмешивающихся» в испанские дела держав. Ну разве мог себе когда-нибудь позволить изображенный на этом снимке джентльмен провести хоть один сезон в Испании?! Скорее всего, нет. А вот сейчас в качестве британского контролера по невмешательству он безмятежно проводит время в превосходных климатических условиях на испано-португальской границе. Полное безделье, отсутствие каких-либо волнений и прекрасный воздух сделали свое: господин контролер чудно поправился и ничего не имеет против дальнейшего продолжения комедии невмешательства.

КТО ВМЕШИВАЕТСЯ?

Раненые в Испании регулярные «итальянские добровольцы» на параде в Венеции, где Муссолини раздавал им ордена. О каком вмешательстве в испанские дела может быть речь?! Это Франко иногда позволяет себе вмешиваться в итальянские дела в Испании.

МОЛЬБА О ПЯТИ ШИЛЛИНГАХ

Эта фотография со следующим текстом помещена в английском журнале «Сфир»:

«4700 детей находятся в наших домах. На фотографии—Бетти, шести лет от роду. Эта маленькая девочка—сирота, потерявшая мать. Ее отец делал все, что мог, для своих двоих детей, и заботы его в конце концов сломали. Он сошел с ума и находится в сумасшедшем доме, а Бетти и ее сестра—в сиротском доме нашего общества. Пять шиллингов помогут их содержать в течение недели».

Еще двадцать лет назад такие объявления частенько встречались и в русских газетах и журналах.

Свежо предание, а верится с трудом!

СКРИПКА СТРАДИВАРИУСА

Фотография этой скрипки, сделанной в 1699 году знаменитым скрипичным мастером Страдивариусом, была помещена во многих английских газетах и журналах под широковежательным заголовком: «Первая скрипка Страдивариуса, поступившая в собственность нации». Эту скрипку подарил Музею Виктории и Альберта некая мистрисс Беатриса Мульгам.

Если бы мы захотели воспроизвести на страницах нашего журнала фотографии всех скрипок, виолончелей и альтов работы знаменитых скрипичных мастеров, которые перешли в собственность нашего советского народа, нам бы не хватило страниц нашего журнала.

ЗЛОВЕЩАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

На снимке запечатлен момент подписания в Риме итало-германо-японского соглашения «о борьбе с коммунизмом». Японский посол в Риме, господин Хота, старательно выводит свою подпись на этом зловещем документе. Находящаяся на столе бронзовая статуя богини Победы разводит при этом руками: дескать, если демократические страны не дадут надлежащего отпора, то ваша комбинация, господа фашисты, имеет шансы на успех.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 1156 Сдача текста и рисунков 23/ХІ—37 г. Подл. к печати 1/ХІІ—37 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 3¹/₂. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—31786. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2490. Тираж 275 000 экз.

К.

ОСКОЛКИ РАЗБИТОГО ВДРЕБЕЗГИ

— Я всегда был убежден, что число „13“ сулит мне разочарования в жизни. Оказывается, что и „12“ тоже способно надолго испортить мне настроение.